

RU

Репрезентация теологем в политическом дискурсе как аксиологических маркеров американской и русской лингвокультур: теолингвистический подход

Боброва Е. А.

Аннотация. Цель исследования заключается в выявлении особенностей репрезентации теологем в политическом дискурсе американской и русской лингвокультур в рамках теолингвистики. В результате обзора литературы выявлен недостаток работ, посвященных понятию «теологема», поэтому элиминирование данной терминологической лакунарности в теолингвистике представляет теоретическую значимость. Теологема рассматривается как религиозно маркированная лингвокогнитивная единица дискурса. Описан ход теоретического и эмпирического анализа теологем в политическом дискурсе двух лингвокультур; представлены результаты сопоставительного анализа христианских теологем на основе метода словарных дефиниций, лингводискурсивного анализа и метода концептуального моделирования. Научная новизна исследования заключается в том, что впервые теологема рассматривается как единица анализа политического дискурса, формулируется содержание понятия применительно к теолингвистике, а также как лингвокогнитивная единица (фрейм), конструируются ее содержательные компоненты. В результате описаны понятийные признаки теологем «Крестовый поход» и «Crusade», а также их содержательные компоненты. Выявленные отличия касаются различных аксиологических модусов теологем, которым приписываются теологическая обусловленность и лингвокультурная маркированность.

EN

Representation of theologoumena in political discourse as axiological markers of American and Russian linguocultures: theolinguistic approach

E. A. Bobrova

Abstract. The purpose of the article is to reveal how theologoumena are represented in political discourse of American and Russian linguocultures within theolinguistics. It starts with review on theolinguistic problematic issues and relevant topics represented in publications. Lack of linguistic publications on defining theologoumenon is noticed, so eliminating this terminological lacuna in theolinguistic direction represents theoretical relevancy of the research. Theologoumenon is considered as a religiously marked linguocognitive unit of discourse, which made the basis of the term's definition. Theoretical and empirical analysis of theologoumena in political discourse of two linguocultures is described, providing results of comparison of two Christian theologoumena based on definition analysis, discourse analysis, and concept modeling. Scientific novelty is due to the fact that for the first time theologoumenon is considered as a theolinguistic unit of political discourse, as well as a linguocognitive structure (frame), where conceptual components are revealed. As a result, notional features of the crusade theologoumena in political discourse of the two linguocultures are described as well as conceptual components of their frames. The differences are explained by opposite axiological modes of the theologoumena, characterized by theological conditioning and linguocultural markedness.

Введение

Проблема данной работы заключается в недостаточной сформированности методологии и методик исследования языка внутри теолингвистического направления, в поиске средств выявления интеграции теологических концепций с лингвистическими методами исследования явлений языка и культуры при анализе разных видов дискурса. Теолингвистика как развивающееся направление обращается к возможности симбиоза

религиозной и научной картин мира, что отвечает духовному запросу общества, раскрывая при этом новые экспланаторные и гносеологические возможности смежной области знания. Актуальность работы обусловлена необходимостью разработки новых теоретических подходов в рамках теолингвистического направления как междисциплинарной области исследования. Предложенная методика рассмотрения теологем и их роли в политическом языке, выполненная на стыке теолингвистики, политической теории, лингвокультурологии и когнитивной лингвистики, отвечает тенденциям развития науки и предлагает ракурс рассмотрения теологем с учетом их дискурсивных, прагматических и лингвокультурных особенностей. Данный анализ может помочь вскрывать прагматические характеристики высказываний и распознавать скрытые интенции политиков, употребляющих теологемы, что может способствовать достижению лучшего понимания аудиторией высказываний политиков и предотвращению манипулятивного воздействия.

В ходе исследования были поставлены следующие задачи: 1) обозначить принципы описания языковых явлений для исследования политического дискурса в рамках теолингвистики; 2) изучить существующие трактовки содержания понятия теологема, а также толкования близких терминов (*мифологема*, *идеологема*) для выявления признаков, способных отразить содержание понятия теологема; 3) предложить формулировку толкования термина *теологема*, выявить его основные понятийные характеристики и признаки, важные для проведения лингвистического исследования; 4) обосновать содержательно-концептуальную модель теологемы как лингвокогнитивную структуру, верифицировать ее на примере эмпирического анализа конкретных теологем; 5) провести сопоставительный лингводискурсивный анализ пары теологем на основе их репрезентаций в политическом дискурсе американской и русской лингвокультур.

В ходе работы применялись методы теоретического анализа, используемые при изучении теоретических источников, систематизации теоретического и эмпирического материала по теме исследования; использовался метод словарных дефиниций, а также сопоставительный метод для выявления сходств и различий близких терминов при формулировании понятийных признаков термина теологема; метод когнитивного моделирования применялся для конструирования концептуальных компонентов фрейма теологемы. Данный метод позволит рассматривать любую теологему в дискурсе как комплекс связанных между собой понятий в рамках единого сюжета, обусловленных определенной теологической концепцией. Лингводискурсивный метод использовался для выявления исторической ситуации и лингвокультурных особенностей применения теологемы, формирующих фон для ее репрезентации; применялся аксиологический анализ лексических единиц в речах политиков при анализе теологем для выявления маркеров оценочности в рамках каждой лингвокультуры, что объясняет ее прагматическую направленность.

Материал исследования составили тексты статей с речами и интервью американских и российских политиков на английском и русском языках сер. XX – нач. XXI в. (1944-2024 гг.) общим объемом около 20 000 печатных знаков. К исследованию также привлекались материалы толковых, энциклопедических, религиозных, религиозно-философских и лингвокультурологических словарей на двух языках.

Теоретическую базу составили работы теолингвистического направления (Crystal, 2018; Постовалова, 2016; Гадомский, 2010; Галиева, 2022; Прилуцкий, 2007), в которых теолингвистика рассматривается как область науки о языке, объектом которой является отражение божественного в языковых структурах и разных типах дискурса; использовались работы авторов, изучавших структурно-семантические характеристики единиц мифологического мышления как смысловых блоков (Леви-Стросс, 1985; 2016; Греймас, 2004), которые легли в основу формулирования понятийных признаков теологемы. Авторы трудов по политической теории (Шмитт, 2000; Шепелев, 2022; Кондуров, 2019) описывают политику как сферу присутствия божественного авторитета и морально-этического ориентира. Привлекались труды по исследованию теологем как единиц анализа с точки зрения филологии, лингвистики, литературоведения, истории для выявления спектра описанных теологем в науке (Степанов, 2001; Ищенко, 2021; Пинаев, 2013; Дмитриев, 2023; Матушанская, 2005; Дмитриев, Гурьянова, 2023; Яркеев, 2024), а также работы по лингвокогнитивному и лингвокультурологическому направлению исследования концептов и фреймов, на основе которых проводилось моделирование теологемы как фреймовой структуры с лингвокультурной спецификой (Филлмор, 1988; Зализняк, Левонтина, Шмелев, 2005), и аксиологическому анализу языковых единиц дискурса (Степанов, 2001; Карасик, 2004; Серебренникова, 2011; Чудинов, 2012).

Практическая значимость работы заключается в возможности разработки методики исследования политического дискурса через выявление и анализ теологем как значимых религиозно маркированных лингвокогнитивных единиц. Изучение теологем может способствовать более глубокому пониманию политической коммуникации через распознавание прагматических интенций коммуникантов, представляющих различные лингвокультуры. Полученные материалы могут быть использованы в вузах гуманитарной направленности при изучении спецкурсов и спецсеминаров по лингвокультурологическим и когнитивным исследованиям языка, а также в процессе преподавания таких дисциплин, как «Теория языка», «Когнитивная лингвистика», «Теория дискурса», «Лексикология современного английского языка», «Теория и практика межкультурной коммуникации», «Язык и культура». Полученные новые данные могут также найти отражение в процессе учебно-методической деятельности при создании учебников и учебных пособий по указанным дисциплинам.

Обсуждение и результаты

Сближение научного и мифологического мышления, к которому относится и система религиозных представлений об устройстве мира, лежит в основе гипотезы Клода Леви-Стросса (2016, с. 13) о направлении

дальнейшего развития сферы знаний человечества. Теология как сфера изучения богословия и религии, относящаяся к пограничным областям знания, стала частью ряда научных направлений, демонстрируя имеющийся гносеологический и методологический потенциал. В сфере гуманитарных наук теология имеет области пересечения с религиоведением, философией, лингвистикой, филологией, политологией, культурологией, лингвокультурологией, что формирует синтетические области знания. Вопросы об объекте исследования теологии, ее собственном методологическом аппарате, а также об имеющейся нечеткости терминологических формулировок задаются учеными сегодня (Демина, 2021; Гадомский, 2010).

Теолингвистика как динамично развивающееся направление основывается на понимании того факта, что язык, являясь средством доступа к эмпирическим данным, может помочь представить и описать степень взаимопроникновения и взаимодействия божественного и языкового. Проблематика работ касается различных аспектов развития теолингвистики, в том числе сложности и многоаспектности объекта исследования, размытости границ в рамках лингвистики и теологии, неопределенности статуса номинации дисциплины, а также разноречивости терминологического аппарата и метаязыка (Галиева, 2022, с. 113). Термин теолингвистика складывается из двух компонентов, принадлежащих к двум областям знаний – религии и лингвистики. Он появился в середине 60-х годов XX в. и относился к сфере изучения стилистики религиозного дискурса (Crystal, 2018, p. 4). В проблематике синтеза двух нерядоположенных областей знания – религиозной и научной, – в интеракции языка и религии В. И. Постовалова (2016) видит новую синтетическую лингвистическую дисциплину, однако предлагает не ограничиваться только ее междисциплинарностью. Автор разрабатывает методологию православной концептологии как религиозной области, которая исследует концепты религиозной картины мира с целью выяснения их места и роли в духовном мире человека. А. Прилуцкий (2007, с. 57) также делает акцент на том, что христианская теологическая терминология должна быть неразрывно связана с историей христианской церкви. Таким образом, в научной литературе присутствует мнение об обусловленности теолингвистики рамками определенной теологической системы.

В политике как сфере воздействия на массовое сознание обращение к авторитету является одним из основных аргументов и оснований для формирования системных прагматических ориентиров (Шмитт, 2000; Кондуров, 2019). Политику необходимо быть тем, чьи концепции и идеи разделяются людьми, а это невозможно без обращения к устоявшимся этическим нормам и авторитетам, а главный и непререкаемый авторитет для человека – это все-таки Бог. При этом теология как сфера особого опыта возможна лишь как конкретная теология, определяющаяся вероучением Святой Соборной Апостольской Церкви (с учетом догматических различий между православием и католицизмом) (Шепелев, 2022, с. 15). Этот принцип теологической обусловленности исследуемых феноменов в политическом дискурсе важен для теолингвистических исследований языковых структур.

Одной из единиц терминологии теологического и теолингвистического направления можно считать понятие «теологема». В результате обзора источников выявлена недостаточность работ с пояснениями формулировки термина для лингвистики. Сопоставим понятие *теологема* с понятиями одного и того же порядка – *мифологема* и *идеологема*. О близости мифологии и политической идеологии писал К. Леви-Стросс. Устройство мифа как основы мифологического мышления он описывает «как пучки отношений, и только в результате комбинаций таких пучков составляющие единицы приобретают функциональную значимость» (Леви-Стросс, 1985, с. 188). А. Греймас (2004, с. 100) продолжил структурировать дискурс и миф, предложив рассматривать смысловые блоки мифа через изотопию – повторяемые семантические категории, которые обеспечивают связность и единство мифологического текста. Таким образом акцентируется связанность понятий как единого комплекса смыслов в мифологеме. Мифологема как понятие фигурирует в теории коллективного бессознательного К. Г. Юнга (2025). Согласно словарям: «мифологема – популярная, социально значительная идеологема, которая активно участвует в формировании мировоззрения и поведения людей» (ЭСР), а также «элемент мифа: мифологемы, ж. (лит.)». Составной элемент мифологического сюжета» (ТСРЯУ). А. Н. Круталевич (2016, с. 70) описывает мифологему как «конкретную интерпретацию универсальной модели коллективного бессознательного», выделяя такие значимые признаки мифологемы, как «свернутая сюжетность», ретроспективность и региональная специфика. Обозначены познавательная, аксиологическая, регулятивная, мировоззренческая, адаптивная и интегрирующая функции мифологемы в культуре, что можно соотнести и с функциями теологемы.

Идеологема как компонент идеологической концепции также репрезентирована в языковых структурах: «устойчивое словосочетание, фразеологизм, имеющий определенную идеологическую нагрузку, окраску» (ЭСР). Е. Г. Малышева отмечает когнитивный характер идеологемы: «единица когнитивного уровня – особого типа многоуровневый концепт, в структуре которого (в ядре или на периферии) актуализируются идеологически маркированные концептуальные признаки, заключающие в себе коллективное, часто стереотипное и даже мифологизированное представление носителей языка о власти, государстве, нации, гражданском обществе, политических и идеологических институтах» (2009, с. 35). Среди признаков отмечаются национальная специфичность, лингвокогнитивный характер, аксиологичность, что вновь сближает термин с теологемой.

Идеология, мифология и религия являются рядоположенными сферами, относящимися к уровню мифологического мышления и участвующими в формировании мировоззренческих и онтологических конструктов в сознании человека. Выявились функциональная близость сравниваемых понятийных единиц и наличие аксиологического компонента как важных признаков для толкования. Необходимо выявить семантические и понятийные составляющие термина *теологема*, изучив лексикографические источники. Словари трактуют *теологемы*, *теологумены* (греч. Θεολογούμενον, theologoumenon) как «богословские мнения, не являющиеся

общеобязательным для всех христиан» (КРФС). Данное определение словаря не дает четкого представления о том, какие именно мнения и в каких случаях будут считаться теологемами, что делает толкование слишком общим, размытым. Однако существенной характеристикой теологема в данном источнике является ее соответствие с конкретным вероучением (в данном случае Православным) и согласованность с позицией церкви: «В Православии есть ограничение: Теологумен не просто частное мнение или размышление отдельного автора: он обозначает учение, более или менее принятое у Отцов Церкви (так называемый *consensus patrum*). Но у него нет обязывающего характера соборного определения (Каллист, еп. Диоклийский)» (КРФС). Наиболее известный из теологуменов, который вызвал споры между представителями христианских конфессий и не приобрел догматического статуса, – дискуссия о Св. Троице (*Filioque* *и от Сына*), так как католики и православные по-разному объясняют исхождение Св. Духа (ПЭАВ).

Данное разъяснение считаем очень существенной характеристикой теологумена (теологема), которая свидетельствует о ее несинонимичности догмату, а также о ее вторичной прецедентности (сначала отражающейся в Священном Писании, а затем еще раз закреплённом в иных богословских текстах) и непротиворечивости канонам конкретного вероучения. Православная энциклопедия описывает допустимые границы теологема как частного мнения, не противоречащего Святому Писанию, однако и не обязательного для всех: «1) богословское мнение, поддержанное одним или рядом святых отцов; 2) частное богословское мнение, не являющееся общеобязательным для всех христиан. Пределами, за которые богословское мнение выходить не может, является Священное Предание» (ПЭ). Таким образом, существенным для понимания теологумена является наличие иерархии достоверности богословских мнений в христианской церкви, которая выстроена в виде оппозиции *догмат – теологумен – частное богословское мнение*.

Для лингвистического и теолингвистического анализа в формулировке теологема должны быть отражены характеристики, значимые для исследования ее репрезентаций в разных видах дискурса. Считаем, что оценочность и аксиологичность, формирующие мировоззренческий и прагматический аспекты использования теологема, ей также будут свойственны. Аксиологический модус теологема в политической коммуникации проявляется в скрытой или явной оценочности, апеллирующей к системе ценностей лингвокультуры, которая основывается и на религиозных доминантах и ориентирах. А. П. Чудинов (2012, с. 59) считает оценочность дискурсивным признаком политической коммуникации и выделяет явную и скрытую оценочность. Институциональный характер политического дискурса заставляет политика обращаться не к личным оценкам, а к базовым аксиологическим ориентирам общества (Карасик, 2004). Поэтому аксиологический модус теологема является значимой характеристикой при использовании ее в политической коммуникации. Как отмечает Е. Ф. Серебренникова, «лингвистический аксиологический анализ должен осуществляться на основе концептуального подхода к анализу сущностных смыслов в процессе оценивания, так как концепты имеют лингвокультурную специфику и являются ориентирами для формирования оценки» (2011, с. 23), то есть оценку лучше изучать в рамках концептуальной структуры.

Поскольку теологема – это комплекс понятий, соединенных в единый сюжет или пучок смыслов, считаем оправданным рассматривать ее в лингвокогнитивном аспекте, опираясь на понятие фрейма Ч. Филлмора (1988), моделируя данную единицу как фреймовую структуру. Это позволит сконструировать концептуальную модель теологема для ее изучения и лучшего понимания. При этом уместным будет отнести фрейм теологема к лингво-специфическим и культурно-специфическим, а не к универсальным фреймам (Зализняк, Левонтина, Шмелев, 2005, с. 10), что также сближает их с концептами культуры (Степанов, 2001).

Основываясь на проведенном сопоставлении и анализе источников, предлагаем формулировку понятия *теологема* для теолонгвистического ракурса: *теологема – религиозно маркированная лингвокогнитивная единица, которая представляет фрагмент определенной теологической концепции, основанной на общепризнанном богословском мнении. Она характеризуется «свернутой сюжетностью», вторичной прецедентностью (так как имеет первично референцию к эпизодам Священного Писания, а вторично – отражена в других богословских текстах и высказываниях Святых отцов), метафоричностью, имеет фреймовую структуру и обладает аксиологическим модусом.*

Отдельные аспекты функционирования теологема в разных типах дискурса, языках и культурах освещаются в отечественной литературе по истории, философии, культурологии, лингвистике. В основном, исследования касаются теологема христианского вероучения и в работах они могут называться также *идеологемой, идеей, концепцией, концептом, теорией*: «Катехон (Удерживающий)» (Яркеев, 2024), «Премудрости-Софии» (Степанов, 2001; Пинаев, 2013), «Святая Троица» (Вострякова, 2025), «Москва – Третий Рим» (Дмитриев, Гурьянова, Буланин и др., 2023), «Свешенная война» (Матушанская, 2005). Все эти теологема в основном являются отражением православного вероучения, однако есть работы, посвященные исследованию теологема протестантской конфессии. Н. С. Ищенко (2021, с. 41) исследует теологема «Невидимая церковь» в современной массовой культуре, при этом автором отмечается, что данная изначально христианская концепция стала теологемой современного секуляризованного общества, утратив черты религиозной концепции, но сохранив функции и признаки теологема.

Для анализа теологема политического дискурса разных лингвокультур выбраны христианских теологема «Крестовый поход» и «Crusade». Теологема крестового похода основана на религиозно-политической концепции «войны за веру», которую инициировала папская власть римско-католической церкви в XI–XIII вв. Она призывала христиан на борьбу с неверующими и неверными мусульманами, участие в ней гарантировало спасение и избавление от грехов (ССК, 2003, с. 235). Важным аспектом обоснования крестовых походов

явилось отражение концепции справедливой войны в трудах Блаженного Августина (Творения Блаженного Августина, 1998, гл. 21), которая оправдывала папские замыслы по насаждению христианской веры и борьбы с еретиками. Даже насилие в этом случае оправдывалось, представляясь богоугодным делом.

Поскольку мы посчитали возможным соотнести теологему с концептуальным образованием (фреймом), то для выявления компонентов фрейма обратимся к анализу словарных дефиниций в словарях русской и американской лингвокультур, чтобы выяснить понятийные составляющие фреймов КРЕСТОВЫЙ ПОХОД и CRUSADE, которые нашли отражение в таблицах (Таблицы 1, 2).

Таблица 1. Описание компонентов фрейма КРЕСТОВЫЙ ПОХОД по лексикографическим источникам русской лингвокультуры

	ТСРЯО	КРФС	ПЭАВ
Участники	Западноевропейские рыцари	Западно-европейские феодалы	-
Инициатор	-	Католическое духовенство в лице папы Урбана II	Римская церковь
Цель	-	-	Формально имевшие целью освобождение христиан из-под владычества мусульман, защиту христианских святынь от поругания и осквернения
Характер	Под лозунгами католицизма	Под прикрытием религиозных католических лозунгов	Под эгидой Римско-Католической церкви, реализация идеи противоречила Божественным Заповедям
Место	Ближний Восток	-	-
Время	11-13 вв.	XI-XIII века	XI-XV вв.
Переносное значение	Активные организованные действия каких-н. сил против своих идеологических противников (нейтральная)	-	-

Как видно из Таблицы 1, отражающей взгляд русской лингвокультурной традиции, цели крестовых походов четко не отражены в словарях, они поясняются через детали, показывающие сомнительный характер, формальность или даже ложность целей: *под прикрытием католицизма, под лозунгами*. Православная энциклопедия «Азбука веры» говорит о неодобрении походов, поскольку они нарушают Божественные Заповеди. Описание тех же религиозных событий из истории развития христианства в американских толковых и энциклопедических словарях дано в Таблице 2.

Таблица 2. Описание компонентов фрейма CRUSADE по лексикографическим источникам американской лингвокультуры

	MWD	EA	Комментарии и пояснения
Participants	Christian powers	-	Отмечается участие христианских держав
Initiator	Christian powers	Christian peoples of the West. In 1095 Pope Urban II obtained permission to preach a crusade	Инициаторами обобщенно указываются христианские народы Запада. Папа Урбан II получил разрешение на поход
Goal	To win the Holy Land from the Muslims	For the conquest of Palestine to free the Holy Land	Завоевать Святую Землю у мусульман / завоевать Палестину, чтобы освободить Святую Землю
Characteristic features	Any of the military expeditions	The military expeditions	Походы имели военный характер
Place	The Holy Land	Palestine	Палестина
Time	11th, 12th, and 13th centuries	From the end of the 11th till the latter half of the 13 th century	XI-XIII вв.
Figurative meaning	A remedial enterprise undertaken with zeal and enthusiasm (положительная)	-	Переносное значение содержит лексемы <i>корректирующий/исправительный</i> с положительной коннотацией <i>рвение и энтузиазм</i>

Таким образом, анализ словарных дефиниций выражений *крестовый поход* и *crusade* выявил, что словари отражают: 1) описание одних и тех же событий одного и того же исторического периода; 2) наличие одних и тех же содержательных компонентов описываемого события – *участники, инициаторы, характер действий, цель, место и время*, – что можно отнести к *концептуальным составляющим фрейма*; 3) наличие различных интерпретаций содержания компонентов фрейма – участников, инициаторов, характера и целей походов – согласно принятым традициям церквей, что и лежит в основе оценки этих событий (реализуясь через аксиологический модус); 4) в обеих лингвокультурах имеется закрепленное переносное значение выражения, однако в американском варианте можно говорить о более положительной оценочной семантике метафоры (*with zeal and enthusiasm*).

При изучении репрезентаций теологем в политическом дискурсе XX-XXI вв. можем наблюдать активное использование теологемы «Крестовый поход». В речи политиков РФ данная теологема репрезентирована в высказываниях В. Путина, Д. Медведева, С. Лаврова, М. Захаровой. В своем выступлении 21 марта 2011 года премьер-министр РФ Владимир Путин во время общения с рабочими Воткинского завода использовал метафору крестового похода, характеризуя резолюцию Совета Безопасности ООН по Ливии:

(1) Резолюция СБ ООН напоминает средневековый **призыв к крестовому походу**, когда **«кто-то призвал кого-то идти в определенное место и чего-то освободить»** ...Эта резолюция Совета безопасности, безусловно, является **неполноценной и ущербной** ... она **разрешает всем предпринимать все, любые действия в отношении суверенного государства** (Путин: Ситуация в Ливии..., 2011).

В. Путин, кратко передавая суть теологемы, показал и отношение к ней, основанное на скрытой и явной оценочности. Очевидно, что он не разделяет идеи о ее правильности, отстраняясь с помощью неопределенных местоимений **кто-то, кого-то, чего-то**. Это делает исторический сюжет несерьезным, превращая событие в произвол, лишенный смысла. Прямая оценка, обозначенная прилагательными **неполноценной и ущербной**, закрепляет отрицательный аксиологический модус используемой теологемы. Далее следует рациональное объяснение этой оценке, также основанное на исторических деталях организации крестовых походов, дававших их участникам право на осуществление любых действий (**разрешает всем предпринимать все, любые действия**). Так, развернутая теологема в речи В. Путина стала метафорой-фреймом, где были обозначены все компоненты фрейма, четко расставлены аксиологические акценты внутри нее, ввиду чего метафора обрела сильный риторический потенциал, вызвав определенный перлокутивный эффект. Сила воздействия данной метафоры, основанная на отрицательном аксиологическом модусе и глубокой теологической обусловленности, проявила себя незамедлительно. Именно использование данной метафоры В. В. Путиным в речи вызвало резонанс. Президент Д. Медведев посчитал неуместным использование подобного сравнения, так как *«оно ведет к именно столкновению, геополитическому столкновению цивилизаций»* (Медведев: трактовать события..., 2011). Несогласие Д. Медведева с использованием теологемы в речи лишь подтверждает ее отрицательный модус, основанный на негативном образе, принятом в русской лингвокультуре,

Теологему «Крестовый поход» также использовали дипломаты Сергей Лавров и Мария Захарова. Министр иностранных дел РФ С. В. Лавров назвал агрессию Запада в отношении России *«частью крестового похода Америки»* в выступлении 26 октября 2023 г. на пленарном заседании международной конференции высокого уровня «Евразийская безопасность: реальность и перспективы в трансформирующемся мире» в Минске:

(2) **Соединенные Штаты ведут настоящий крестовый поход в отношении всех стран, которые смеют отстаивать собственную независимость.** ... Очевидно, что **агрессия Запада против России – лишь часть крестового похода США и их сателлитов против любого члена международного сообщества, который демонстрирует самостоятельность и отстаивает национальные интересы** (Выступление Министра...).

Крестовым походом дипломат называет усиление дипломатического давления на страны с независимой позицией, а точнее, имеющие дружеские отношения с РФ. Агрессивность поведения дипломатов Запада, и прежде всего администрации США, усилилась после начала Специальной военной операции (СВО) в 2022 г. Странам, не поддерживающим запад (**страны, которые смеют отстаивать собственную независимость**), отведена роль варваров, врагов, еретиков, с которыми надо бороться, направляя их на правильный путь. С. В. Лавров часто использует в речах резкие формулировки с оценочными коннотациями. Здесь оценочной можно считать слово **агрессия Запада против России** (агрессия – открытая неприязнь, вызывающая враждебность (ТСРЯО)). В этом также усматривается историческая аналогия крестовых походов **Запада** против Востока. Другое негативно оценочное слово (**их сателлитов**) было использовано по отношению к странам, поддерживающим США, и обозначало подчиненный статус вассальных отношений стран, как было в Средние века. В современной политической сфере независимость является безусловной ценностью, а лишение этого права оценивается как нежелательное.

Мария Захарова, Пресс-секретарь Министерства иностранных дел РФ, также использовала данную метафору, основанную на теологеме:

(3) **Крестовый поход Запада с попыткой изолировать Россию, провалился.** Завершая эту историю про изоляцию, которая обернулась **самоизоляцией Запада**, хочу напомнить вам: **американцы**, действительно, узнав, что начинается турне Сергея Лаврова по странам Африки, начали **оббегать разные страны** на уровне своих дипломатических представителей **и умолять не фотографировать Лаврова и не фотографироваться с Лавровым**. Вот это уровень так называемой изоляции: **они опозорились на весь мир с объявленным крестовым походом против нашей страны** (Захарова: «крестовый поход» ..., 2022).

В данном случае крестовым походом она называет действия политиков, направленные на изоляцию России. Метафоризации подвергается отчаянность действий американских политиков, отраженная в конкретной ситуации их поведения (**оббегать и умолять**). В период обострения отношений с западными странами в 2022 году политики стремились создать изоляцию С. Лаврова как представителя России на международных встречах. М. Захарова констатирует провал их попыток (**поход провалился**) как разгром врагов во время крестового похода. Важным является и то, что изоляция России была анонсирована заранее (**объявленный крестовый поход**), однако этого не случилось, представители разных стран с удовольствием общались и фотографировались с С. Лавровым, что сделало итоги крестового похода позорными (**они опозорились на весь мир**).

Итак, в речах политиков РФ наблюдается превалирование метафорической теологемы крестового похода с отрицательным аксиологическим модусом, который имеет четкую лингвокультурную маркированность. Основу для отрицательного аксиологического модуса составляет теологическое представление о разрушительной роли крестовых походов, закрепленное в Православном вероучении, поскольку они принесли разграбление и падение Константинополя, что сыграло свою негативную роль в расколе Христианской церкви (ПЭ). Поэтому в теологической картине мира русского народа данное событие закрепились в лингвокультуре как **отрицательное**. Репрезентация теологемы «Крестовый поход» в политическом дискурсе русской лингвокультуры характеризуется широким полем метафоризации, выраженным аксиологическим модусом, который теологически обусловлен и маркирован в лингвокультуре как негативное событие.

Американские политики также использовали теологему крестового похода. Дуайт Эйзенхауэр в 1944 году, будучи главнокомандующим войск союзников на Западном фронте, произнес вдохновляющую речь отправляющимся на войну солдатам для высадки в Нормандии:

(4) *Soldiers, Sailors and Airmen of the Allied Expeditionary Forces! You are about to embark upon **the Great Crusade**, toward which we have striven these many months. The **eyes of the world are upon you**. The hopes and prayers of **liberty-loving people** everywhere march with you. In company with our brave Allies and brothers-in-arms on other Fronts you **will bring about the destruction of the German war machine, the elimination of Nazi tyranny** over oppressed peoples of Europe, and **security for ourselves in a free world*** (Dwight Eisenhower...). / Солдаты, моряки и летчики союзных экспедиционных сил! Вы вот-вот отправитесь в **Великий крестовый поход**, к которому мы стремились все эти месяцы. Взоры всего мира обращены на вас. Надежды и молитвы свободолюбивых людей повсюду сопровождают вас. Вместе с нашими храбрыми союзниками и братьями по оружию на других фронтах вы добьетесь **уничтожения немецкой военной машины, ликвидации нацистской тирании** над угнетенными народами Европы и **безопасности для нас в свободном мире** (здесь и далее перевод выполнен автором статьи. – Е. Б.).

В своем обращении к солдатам Д. Эйзенхауэр использовал теологему крестового похода, подробно раскрывая ее содержательные компоненты для того, чтобы вдохновить военных, подвигнув их на великие свершения и подготовив к испытаниям. Здесь актуализирован положительный аксиологический модус теологемы, он выражен лексически. Крестовый поход назван с использованием эпитета **Great**, на его участников обращены взоры всего мира (**eyes of the world are upon you**). Цель похода обозначена (**elimination of Nazi tyranny**), (**oppressed peoples of Europe and bring security for ourselves**), что трактуется как безусловное благо для мира, так как зло нацизма и фашизма уже не подвергалось сомнению и борьба с ним была благородной и праведной.

Теологема крестового похода в речи современного политика Д. Трампа была использована в период второй предвыборной кампании 2023 года, когда внутриполитическая борьба в США стала очень острой:

(5) *Together, **we're warriors in a righteous crusade to stop the arsonists, the atheists, globalists and the Marxists** – and that's what they are – and **we will restore our Republic as one nation under God with liberty and justice for all*** (Trump paints 2024 campaign..., 2024). / Вместе мы – **воины в праведном крестовом походе**, чтобы остановить **поджигателей, атеистов, глобалистов и марксистов** – а именно ими они и являются, – и мы **восстановим нашу Республику как единую нацию под Богом**, со свободой и справедливостью для всех.

Здесь Д. Трамп, обратился к метафоре крестового похода, усилив ее эпитетом **праведный (a righteous crusade)**, назвав себя и свою аудиторию **воинами (we're warriors)**, что подразумевает борьбу против врагов и подтверждает наличие положительного аксиологического модуса у данной теологемы. Этим он продемонстрировал избирателям свою решимость и непримиримость в том, чтобы провести правильные изменения в стране, которые прежде всего касались бы ужесточения борьбы с врагами (**arsonists, the atheists, globalists and the Marxists**): наплывом и бесконтрольным проникновением нелегальных мигрантов, с теми, кто устраивает разгул и беспорядки, например, представителями BLM (Black Lives Matters – общественное движение, которое выступает против расизма и насилия в отношении чернокожих людей). Он выразил несогласие с глобалистской политикой, притеснением церквей, неуважением к верующим, а также обозначил врагами марксистов, к которым он мог отнести коммунистический Китай. Именно на этих «врагов» Д. Трамп и планировал направить свои действия на посту президента. Использование теологемы «Crusade» Д. Трампом стало прагматически успешным риторическим приемом, что имело перлокутивный эффект, подтвердившись результатами выборов.

Таким образом, репрезентации теологемы «Crusade» в политическом дискурсе американской лингвокультуры характеризуются положительным аксиологическим модусом, обусловленным пониманием теологемы в рамках католического и протестантского вероучений, что закрепилось в лингвокультуре. Это существенно отличается от выявленной аксиологической характеристики теологемы «Крестовый поход» в политическом дискурсе русской лингвокультуры, основанной на ее интерпретации в рамках иной теологической концепции – Православия, – содержащей отрицательный аксиологический модус и иную лингвокультурную маркированность.

Заключение

В результате теоретического и эмпирического анализа были сформулированы следующие выводы: выявлены принципы описания языковых явлений, к которым относится рассмотрение теолингвистики как самостоятельного направления, изучающего способы отражения божественного в языке в разных типах дискурса, при этом учитывающего специфику определенной теологической концепции. Политический дискурс при этом может быть изучен в соответствии с принципами политической теологии, ставившей божественный авторитет в число главных морально-этических ориентиров в политике и базировавшейся на принципе теологической специфичности, то есть учете обусловленности явлений рамками определенной теологической концепции.

При изучении существующих формулировок термина *теологема* выявлено отсутствие толкования, полностью соответствующего теолингвистическому направлению. На основе анализа толкований из словарей и работ, а также проведенного сопоставления близких терминов, отражающих мифологическое мышление, – *мифологема* и *идеологема*, – выявлены сходные характеристики – «свернутая сюжетность», наличие аксиологического модуса и ряда близких функций, а также лингвокогнитивный характер теологемы, что может расширить определение.

Предлагаемая формулировка теологемы трактует ее как фрагмент определенной теологической концепции, основанной на общепризнанном богословском мнении. Она характеризуется свернутой сюжетностью, вторичной прецедентностью (так как имеет первично референцию к эпизодам Священного Писания, а вторично – отражена в богословских текстах), метафоричностью, имеет фреймовую структуру и обладает аксиологическим модусом.

Теологема как система понятий, объединённых внутри сюжета, имеет лингвокогнитивную природу и может быть рассмотрена в виде фреймовой структуры, которая может применяться в качестве метода исследования теологем в разных дискурсах и лингвокультурах. Фрейм теологемы может быть описан в виде концептуальных компонентов, объединённых общим сюжетом, имеющим референцию к богословским трудам.

Фреймовое моделирование теологемы с помощью метода словарных дефиниций позволило выявить следующие компоненты теологемы крестового похода: *участники, инициатор, цель, характер действий, место, время*. Эмпирический анализ показал, что компоненты фрейма могут иметь разные аксиологические модусы и по-разному маркироваться в лингвокультурах.

Лингво-дискурсивный и аксиологический анализ репрезентаций теологем «Крестовый поход» и «Crusade», проведенный на основе речей 6 политиков американской и русской лингвокультур, показал, что «Крестовый поход» и «Crusade» – две разные теологемы, а их различия лежат в их теологической обусловленности (то есть отнесенности к определенному вероучению), которая и определяет аксиологический модус в прагматическом аспекте. Являясь реальным событием в истории христианской веры, отраженном в богословских трудах, крестовые походы по-разному оцениваются христианскими конфессиями, а значит имеют специфическую лингвокультурную маркированность. Аксиологический модус теологемы обусловлен системой оценок и ценностей внутри теологической концепции определенного вероучения и не отделен от нее в процессе реализации теологемы в политическом дискурсе. Таким образом, теологемы выполняют роль аксиологических маркеров лингвокультуры, создающих систему ориентиров для участников общественно-политической коммуникации.

Перспективу дальнейших исследований могут представлять выявление, описание, систематизация и сопоставление теологем политического и других типов дискурса в разных лингвокультурах; определение их аксиологических модусов и прагматической направленности для выявления скрытой интенциональности, а также вскрытия глубинного характера теологической обусловленности языка общественно-политической сферы.

Материалы исследования | Research materials

1. Выступление Министра иностранных дел Российской Федерации С. В. Лаврова на Международной конференции «Евразийская безопасность: реальность и перспективы в трансформирующемся мире», Минск, 26 октября 2023 года. https://poland.mid.ru/ru/press-centre/news/vystuplenie_ministra_inostrannykh_del_rossiyskoy_federatsii_s_v_lavrova_na_mezhdunarodnoy_konferentsii_26102023/
2. Захарова: «крестовый поход» Запада с попыткой изолировать Россию провалился // Газета RU. 2022. <https://www.gazeta.ru/social/news/2022/07/26/18203948.shtml>
3. КРФС – Краткий религиозно-философский словарь: более 550 слов. ст. / сост. Л. И. Василенко. М.: Истина и жизнь, 2000. <https://rus-religio-philosophical-dict.slovaronline.com/488>
4. Медведев: трактовать события в Ливии как «крестовый поход» недопустимо. 2011. <https://www.forbes.ru/news/65237-medvedev-traktovat-sobytiya-v-livii-kak-krestovyi-pohod-nedopustimo>
5. Путин: Ситуация в Ливии напоминает крестовый поход // IslamNews. 2011. <https://islamnews.ru/Putin-Situacija-v-Livii-napominaet-krestovyy-pohod>
6. ПЭ – Православная энциклопедия. 2000. <https://www.pravenc.ru/text/149581.html>
7. ПЭАВ – Православная энциклопедия «Азбука веры». <https://azbyka.ru/>
8. ССК – Словарь средневековой культуры. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2003.
9. ТСРЯУ – Ушаков Д. Н. Толковый словарь русского языка: онлайн-издание, 88168 слов. <https://ushakov.slovaronline.com/>
10. ТСРЯО – Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фраз. выражений. М., 2010. <http://elbib.edurm.ru/lib/document/SVOD/89C7BEE7-DC2C-45D7-8E1C-391AD0FE6104/>
11. ЭСП – Энциклопедический словарь PR и рекламы. <https://pr.slovaronline.com/>
12. Dwight Eisenhower: 'You are about to embark upon the Great Crusade', Order of the Day – 1944. <https://speakola.com/political/dwight-eisenhower-d-day-1944>
13. EA – The Encyclopedia Americana: a library of universal knowledge. <https://archive.org/details/encyclopediaamer08unse/page/254/mode/2up>
14. MWD – Meriam Webster's Dictionary. <https://www.merriam-webster.com/>
15. Trump paints 2024 campaign as 'righteous crusade' as he rallies evangelicals. 2024. <https://thehill.com/homenews/campaign/4066499-trump-paints-2024-campaign-as-righteous-crusade>

Источники | References

1. Вострякова Ю. В. Идея Троицы как фундамент русской ментальности // Религия и общество. Миссия Конфессий. 2025. Т. 13. Ч. 5.
2. Гадамский А. К. Русская теолингвистика: история, основные направления исследований // Стил (Београд). 2010. № 9.
3. Галиева М. Р. Теолингвистика: к обоснованию термина // Нижневартковский филологический вестник. 2022. № 2.

4. Греймас А.-Ж. Структурная семантика: поиск метода. М.: Академический Проект, 2004.
5. Демина Д. А. Теологический дискурс как особый тип дискурса // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2021. № 8 (850). https://doi.org/10.52070/2542-2197_2021_8_850_212
6. Дмитриев М. В., Гурьянова Н. С., Буланин Д. М., Сиренов А. В., Корневский А. В. Теория «Москва – Третий Рим»: тексты и контексты // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. 2023. № 2 (34). <https://doi.org/10.21638/spbu19.2023.205>
7. Зализняк А., Левонтина И. Б., Шмелев А. Д. Ключевые идеи русской языковой картины мира: сборник статей. М.: Языки славянской культуры, 2005.
8. Ищенко Н. С. Теологема невидимой церкви в современной массовой культуре // Традиционные общества: неизвестное прошлое: материалы XVII Международной научно-практической конференции, Челябинск, 27-28 мая 2021 года. Челябинск, 2021.
9. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2004.
10. Кондуров В. Е. Политическая теология Карла Шмитта: дискурс и метод // Труды Института государства и права РАН. 2019. Т. 14. № 3. <https://doi.org/10.35427/2073-4522-2019-14-3-kondurov>
11. Круталевич А. Н. «Мифологема» в понятийном аппарате культурологии // Культура и цивилизация. 2016. № 1.
12. Леви-Стросс К. Структурная антропология. М.: Этнографическая библиотека, 1985.
13. Леви-Стросс К. Узнавать других. Антропология и проблемы современности. М.: Текст, 2016.
14. Малышева Е. Г. Идеологема как лингвокогнитивный феномен: определение и классификация // Политическая лингвистика. 2009. № 4 (30).
15. Матушанская Ю. Г. Значение теологема «Священная война» для формирования библейской философии истории // Путь Востока: универсализм и партикуляризм в культуре: материалы VIII Молодежной научной конференции по проблемам философии, религии, культуры Востока, Санкт-Петербург, 21-23 апреля 2025 года. СПб., 2005.
16. Пинаев С. М. Теологема «Премудрости-Софии» в поэзии М. Волошина // Вестник Тверского государственного университета. Серия «Филология». 2013. Вып. 4.
17. Постовалова В. И. Наука о языке в свете идеала цельного знания: в поисках интегральных парадигм. М.: ЛЕНАНД, 2016.
18. Прилуцкий А. Язык как инструмент теологического исследования // Богословские размышления. 2007. № 8.
19. Серебренникова Е. Ф. Аспекты лингвистического аксиологического анализа. // Лингвистика и аксиология: коллективная монография. М.: ТЕЗАУРУС, 2011.
20. Степанов Ю. С. Константы: словарь русской культуры. М.: Академ. Проект, 2001.
21. Творения Блаженного Августина: в 4 т. СПб.: Алетейя, 1998. Т. 3: О граде Божиим. Кн. I-XIII.
22. Филлмор Ч. Фреймы и семантика понимания // Новое в зарубежной лингвистике: сборник. М.: Изд-во «Прогресс», 1988. Вып. XXIII. Когнитивные аспекты языка.
23. Чудинов А. П. Дискурсивные характеристики политической коммуникации // Политическая лингвистика. 2012. № 2 (40).
24. Шепелев М. А. Политическая теология. М.: Юрайт, 2022.
25. Шмитт К. Политическая теология: сборник. М.: КАНОН-пресс-Ц, 2000.
26. Юнг К. Г. Архетипы и коллективное бессознательное. М.: АСТ, 2025.
27. Яркеев А. Катехон как теолого-политическая парадигма мирового порядка // Социологическое обозрение. 2024. Т. 23. № 1.
28. Crystal D. Whatever Happened to Theolinguistics? // Religion, Language, and the Human Mind. N. Y.: Oxford University Press, 2018. <https://doi.org/10.1093/oso/9780190636647.003.0001>

Информация об авторах | Author information

Боброва Екатерина Александровна¹, к. филол. н., доц.

¹ Байкальский государственный университет, г. Иркутск

Ekaterina Alexandrovna Bobrova¹, PhD

¹ Baikal State University, Irkutsk

¹ yekaterina803@mail.ru

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 23.07.2026; опубликовано online (published online): 31.08.2026.

Ключевые слова (keywords): аксиологический модус теологема; теологема как единица политического дискурса; лингвокультурная маркированность; теологическая обусловленность; axiological mode of theologoumenon; theologoumenon as a unit of political discourse; linguocultural markedness; theological conditioning.